

УИЛКИ КОЛЛИНЗ

МУЖ И ЖЕНА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К60

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *М. Загота, М. Литвиновой*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Р. Соломон «Подарок на день рождения»*

Коллинз, Уилки.

К60 Муж и жена : [роман] / Уилки Коллинз ; [перевод с английского М. Загота, М. Литвиновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 832 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-184253-6

Уилки Коллинз по образованию был юристом и не понаслышке знал о хитросплетениях брачного законодательства Викторианской эпохи, которые мастерски вплел в сюжет романа «Муж и жена».

Анна Сильвестр, Бланш Ланди, Джеффри Деламейн и Арнольд Бринкворт попали в ловушку юридического парадокса, так называемого «шотландского брака», когда мужем и женой можно стать в любой момент, достаточно просто объявить при свидетелях о своем намерении вступить в брак. Кто-то из них преследовал подлые цели, а кто-то случайно оказался в этом переплете. «Муж и жена» — это история о любви, выборе и борьбе за справедливость в мире, где право и мораль не всегда совпадают.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-184253-6

© Перевод. М. Загот, 2026

© Перевод. М. Литвинова,
наследники, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Не мнится мне, чтоб слог утрюмый мой
Мог разминуться с целию благой:
Отрадной влагой темно облако прольется —
А бело облако бесплодным остается.

*Дж. Беньян. Путь паломника
Апология автора*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История, предлагаемая читателю, отличается от всего написанного этим пером в одном отношении. Повествование на сей раз основано на фактах, а цель его — ускорить появление реформы, которая положила бы конец злу, слишком долго существующему у нас с общего попустительства. Нет никакого сомнения, что брачное законодательство Соединенного королевства представляет собой постыдное явление. Доклад Королевской комиссии, созданной для изучения законов о браке, содержит солидный фактический материал, который был использован мною при создании романа. К главе 20-й дано приложение, отсылающее читателя на страницы доклада, документально подтверждающие описанные в романе события, чтобы у читателя не закралось подозрения, что ему морчат голову. Хочу еще добавить, что сейчас, когда пишутся эти строки, парламент наконец зашевелился и делает попытки искоренить общественное зло, изобличению которого посвящена глава «История Эстер Детридж». Появилась надежда, что английский закон сделает наконец замужнюю женщину хозяйкой своего имущества и заработка. Но дальше этого, насколько мне известно, наши законодатели

идти не собираются, и все остальные позорные пятна будут по-прежнему «украшать» брачный кодекс Великобритании и Ирландии. Королевская комиссия недвусмысленно требует, чтобы правительство наконец вмешалось, но, однако, прямо не просит парламент высказать свое мнение о фактах, изложенных в ее докладе.

Что касается второй проблемы, которую я также затронул на этих страницах, а именно повального увлечения физической культурой и его влияния на здоровье и нравственный облик молодого поколения, то сознаю, что тема эта — деликатная и написанное кое у кого вызовет сильное негодование.

Хотя в этом случае я не могу отослать читателя к докладу Королевской комиссии, однако факты, подтверждающие мою точку зрения, многочисленны и лежат на поверхности. Страсть к гимнастическим упражнениям, овладевшая нацией в последнее время, пагубно сказывается на здоровье молодых англичан. Подобное мнение разделяется учеными-медиками во главе с таким авторитетом, как доктор Скей, это — факт бесспорный. Еще один бесспорный факт, подтверждающий мнение врачей (если свидетельства науки недостаточно по причине ее крайней отвлеченности), — жалобы отцов, раздающиеся во всех частях Соединенного королевства, чьи сыновья стали жертвами этого самоновейшего национального чудачества, на счету которого уже немало загубленных жизней.

Что же касается его влияния на нравственное состояние общества, то тут я могу и ошибиться, утверждая, что существует связь между увлечением физической культурой и нынешним падением нравов, ростом эгоизма и низменных склонностей сре-

ди определенных слоев населения Великобритании. Но кто станет отрицать порчу нравов в наше время? Кто не видит, что это зло приняло угрожающие размеры? Мы стали так постыдно терпимы к проявлению грубости и насилия в нашем обществе, что считаем их неизбежной принадлежностью нашей социальной системы; мы называем своих дикарей «бравыми молодцами» и считаем их типичными представителями английской нации. Из книги в книгу на радость читателям переходит этот дикарь в виде просоленного и обветренного моряка в широченных штанах и груботканой робе. Если бы автор этих строк уподобился сочинителям таких книг, он безусловно снискал бы расположение читателя. Но он осмелился показать чистенького дикаря, и ему придется выдержать читательские нападки — ведь публика еще не разглядела этой разновидности дикаря, а, вернее, разглядев, предпочла ее не заметить.

Чисто вымытые дикари, одетые с иголки, встречаются у нас во всех сословиях — и среди буржуа, и среди аристократов. Не буду голословным. Медицинская братия может похвастаться подвигами кучки подвыпивших эскулапов, возвращавшихся с вечеринки в одном из пригородов Лондона; их путь был отмечен осколками уличных фонарей, выбитыми окнами в домах и паникой, охватившей обывателей, живущих в этом пригороде. Наши вояки ославили себя недавно таким буйством, что для их усмирения пришлось вызвать конную гвардию. Не менее отличилось и купеческое сословие: на днях из здания биржи бранью и чуть не побоями был изгнан известный иностранный банкир, посетивший биржу по приглашению одного из старейших и уважаемых ее членов. Не

хуже показали себя и носители просвещения; студенты Оксфорда выгнали криками и улюлюканьем с Акта поминовения 1869 года вице-канцлера, глав колледжей и гостей, а спустя немного эти дикари ворвались в библиотеку колледжа Крайстчерч, разбили и сожгли находившиеся там скульптуры. Все эти бесчинства — факты, все они имели место. И фактом является то, что их участники, по большей части, или известные спортсмены, или видные покровители спорта. Разве этого недостаточно, чтобы вылепить характер, подобный Джеффри Деламайну? Разве только воображение подсказало мне сцену в гостинице «Бутыль и затычка» в Патни? И разве не пришло время протестовать, в интересах всего цивилизованного мира, против возрождения варварства, которое провозглашает себя отцом многих добродетелей и находит достаточно глупцов, готовых поверить ему.

В заключение коснусь в двух словах стилистики нового романа: его читатель, надеюсь, почувствует, что нравоучительная нить всюду естественно вплетается в повествование. Главное условие успеха литературного произведения — органическое слияние правды и выдумки. Я приложил немало труда, чтобы добиться этого, и верю, что труд мой не пропадет зря.

У. К.

Июнь, 1870 г.

Пролог

БРАК ПО-ИРЛАНДСКИ

Часть первая

ВИЛЛА В ХЭМПСТЕДЕ

1

Одним летним утром лет тридцать или сорок тому назад две молодые девушки горько плакали в объятиях друг друга на борту ост-индского парусника, отпывавшего из Грейвзенда* в Бомбей. Девушек связывала долгая и нежная дружба. Одну звали Анна, другую Бланш. Обеим минуло восемнадцать, обе только что выпорхнули из одного пансиона. Родители девушек, люди бедные, не могли платить за их обучение, и обе, вместо платы, учили младших пансионеров. Им и дальше предстояло думать о хлебе насущном. На этом сходство кончалось. Бланш была миловидная рассудительная девушка — и только. Анна обладала редким умом и редкостной красотой. Родители Бланш, люди добропорядочные, полагали главной своей заботой будущее дочери. Родители Анны, жестокосердные и порочные по натуре, думали только о том, как выгоднее употребить себе на пользу красоту и талант дочери.

Разное будущее ожидало девушек. Бланш уезжала в Индию. Ей было обещано место гувернантки в семье судьи: жена судьи любезно согласилась взять ее под свое покровительство. Анна пока оставалась дома в ожидании оказии — дешевого переезда в Милан, где

* Грейвзэнд — порт в устье Темзы.

ей предстояло совершенствоваться в музыке и пении, чтобы по возвращении в Англию поступить на сцену и кормить талантом свое нищее семейство.

Вот что было назначено судьбой этим девушкам, которые сидели сейчас в каюте океанского парусника и, проливая слезы, шептали друг другу слова прощания, экзальтированные и восторженные, но рвущиеся из глубины сердца, — как и подобает юным особам прекрасного пола в такие минуты.

— Бланш, ты выйдешь в Индии замуж. Обещай, что уговоришь мужа привезти тебя назад в Англию.

— Анни, вдруг тебе разонравится сцена. Дай слово, что приедешь ко мне в Индию.

— В Англии или Индии, замужем или нет, но мы непременно встретимся, какой бы долгой ни была разлука. И всегда будем любить друг друга как родные сестры, как самые верные друзья. Поклянись, Бланш!

— Клянусь, Анни!

— Клянись всей душой и сердцем!

— Клянусь всей душой и сердцем!

Ветер уже надул паруса, корабль заскользил по воде, а девушки все не могли расстаться. Позвали капитана, с твердостью в голосе и вместе ласково обратился он к Анне, обняв ее за плечи:

— Не сердитесь на старика, у меня такая же дочь. Но вам пора возвращаться на берег.

Анна припала к груди старого моряка. Он сам усадил ее в шлюпку, которая тотчас отчалила. Через пять минут корабль уже шел на всех парусах; шлюпка вернулась к причалу, последний прощальный взгляд — и Бланш с Анной расстались на долгие годы.

Эти события происходили летом одна тысяча

8 восемьсот тридцать первого года.

Двадцать четыре года спустя летом тысяча восемьсот пятьдесят пятого года в Хэмпстеде сдавалась со всей обстановкой богатая вилла.

Хозяева виллы еще жили в ней. Однажды вечером — с него и начинается повествование — в уютной столовой за столом сидела дама и два джентльмена. Даме было сорок два года, но черты ее лица, несмотря на немолодой уже возраст, отличались редкостной красотой. Муж был несколькими годами моложе ее, он сидел напротив, храня угрюмое молчание, и ни разу во все время обеда даже случайно не взглянул на жену. Третий за столом был гость. Хозяина звали Ванборо, гостя — Кендрию.

Обед близился к концу. Фрукты и вино были уже поданы. Мистер Ванборо молча подвинул гостю бутылки. Хозяйка дома оборотилась к вошедшему лакею.

— Позовите детей, — сказала она.

Дверь отворилась, и в комнату вошла девочка лет двенадцати, ведя за руку девочку лет пяти. Обе были одеты в хорошенькие белые платьица и одинаковые голубые фартучки. Но в лицах у них вы не нашли бы сходства, какое бывает между родными сестрами. Старшая была хрупкое, изящное создание с бледным, нервическим личиком. Младшая — белокурый розанчик с пухлыми румяными щеками и живыми веселыми глазками — прелестное дитя, воплощение здоровья и счастья.

Мистер Кендрию с любопытством взглянул на младшую.

— Кто эта юная леди? — спросил он. —

Я никогда прежде не видел ее в этом доме.

— Не видели, потому что и вас чуть ли не год не было видно, — ответила миссис Ванборо. — Это крошка Бланш, единственное дитя моей лучшей подруги. Последний раз мы виделись с ней — даже страшно сказать — лет двадцать назад. Мы тогда были бедные пансионерки, не знающие жизни. Бланш — подруга назвала дочь своим именем — уехала в Индию. Там через много лет вышла замуж. Вы, должно быть, слышали о ее муже, знаменитом полковнике сэре Томасе Ланди. Да, да, тот самый Томас-богач, как его называют в вашем кругу. Леди Ланди едет в Англию, первый раз с тех пор, как покинула родину. Я ждала ее вчера, жду сегодня, она может появиться здесь с минуты на минуту. Помню, на борту парусника, что увозил ее в Индию, мы дали клятву любить друг друга и обязательно встретиться, сколько бы лет ни длилась разлука. Милое далекое время! Вообразите, какие перемены мы найдем друг в друге, встретившись после стольких лет.

— А пока, я вижу, ваша подруга прислала вместо себя дочь, — заметил мистер Кендрию. — Далекый путь пришлось проделать маленькой путешественнице.

— Год назад врачи в один голос заявили, что климат Индии губителен для девочки, — ответила миссис Ванборо. — И предписали отправить ее в Англию. Сэр Томас сам в то время недомогал, и Бланш не могла оставить его одного. Ей пришлось отправить дочку одну с оказией. И конечно, она отправила ее ко мне. Посмотрите на девочку, мистер Кендрию, и скажите, разве не пошел ей на пользу английский воздух. Знаете, мы с Бланш повторились в дочерях. Моя дочь —

единственное мое дитя. У Бланш тоже одна

ня. Дочь подруги зовут Бланш. Но самое главное, девочки полюбили друг друга, как мы когда-то с Бланш в далекие дни юности. Говорят, что ненависть передается от родителей детям. Но, видно, и любовь тоже передается.

Гость хотел что-то ответить, но вмешался молчавший до сей минуты хозяин:

— Кендрию, вам, наверное, наскучили сентиментальные излияния. Выпейте лучше бокал вина.

В этих словах прозвучало нескрываемое презрение к жене. Миссис Ванборо вспыхнула, но промолчала, подавив раздражение. Потом тихо спросила мужа с явным желанием успокоить его:

— Ты сегодня плохо себя чувствуешь, дорогой?

— Я буду чувствовать себя гораздо лучше, если дети перестанут так громко стучать ножами.

Девочки срезали кожуцу с яблок. Младшая продолжала как ни в чем не бывало, старшая тотчас отложила нож в сторону и взглянула на мать. Миссис Ванборо подозвала к себе Бланш и махнула в сторону сада, куда вела высокая стеклянная дверь.

— Посмотри, Бланш, как хорошо в саду, — ласково сказала она. — Не хочешь ли ты взять яблоко и пойти туда?

— Хочу, если Анни пойдет со мной.

Анна встала из-за стола, и девочки, взявшись за руки, отправились в сад. Мистер Кендрию благоразумно заговорил о другом.

— Этим юным леди будет не хватать сада, — сказал он. — Жаль все-таки, что вы отказываетесь от этого прелестного уголка.

— Уехать отсюда — еще не самое страшное, — вздохнула миссис Ванборо. — Джону

далеко ездить из Хэмпстеда в Лондон. И мы, конечно, съедем отсюда. — Хуже то, что мы сдаем дом.

Мистер Ванборо с раздражением посмотрел на жену.

— А тебе какая забота, что дом сдается? — спросил он.

Миссис Ванборо улыбнулась, пытаясь рассеять тучи, сгустившиеся на семейном горизонте.

— Джон, милый, — мягко сказала она, — ты весь день у себя в конторе, а я весь день дома. И я волей-неволей должна говорить с людьми, которые приходят смотреть дом. Вы бы видели, что это за люди! — воскликнула она, обращаясь к мистеру Кендрию. — Они подвергают сомнению все, начиная от скребка у входной двери, кончая печной трубой на крыше. Являются в самое неподходящее время. Задают самые оскорбительные вопросы и всем своим видом дают понять, что не верят ни одному моему слову, одна грубиянка спросила, подозрительно пригнувшись: «Вы уверены, что у вас в порядке канализация?» А один нахал усомнился в прочности дома. Не дождавшись моего ответа, подпрыгнул на своих огромных ножищах, так что все стекла зазвенели. Никто не верит, что почва у нас песчаная, что фасад дома выходит на юг. Никому не нужны все наши усовершенствования. Услыхав об артезианском колодце, изображают чуть ли не водобоязнь. А увидев курятник, забывают свою любовь к омлету.

— Представьте себе, и мне пришлось испытать нечто подобное, — рассмеялся мистер Кендрию. — Человек, снимающий дом, — лютый враг того, кто этот дом сдает. Экая, право, несообразность, не правда ли, мистер Ванборо?

Но и мистеру Кендрию не удалось рассеять мрачное расположение духа хозяина.

— Должен признаться, — буркнул мистер Ванборо, — я не слышал ваших слов.

На этот раз ответ прозвучал почти грубо. Миссис Ванборо бросила на мужа удивленный и вместе обеспокоенный взгляд.

— Что с тобой, Джон? Ты не болен? — спросила она.

— Человека, кроме болезней, может угнетать и работа.

— Огорчительно слышать, что ты чем-то угнетен. Это касается твоих дел?

— Да, дел.

— Посоветуйся с мистером Кендрю.

— Жду, когда мне предоставят эту возможность.

Миссис Ванборо немедленно встала.

— Позови, дорогой, когда захотите кофе, — сказала она, проходя мимо мужа, остановилась на миг, легкой ладонью коснулась его лба и тихонько проговорила: — Если бы я могла разгладить эти морщинки.

Мистер Ванборо нетерпеливо потрянул головой. Вздохнув, миссис Ванборо пошла к двери. Не успела она переступить порог, как муж окликнул ее:

— Присмотри за тем, чтобы нам никто не мешал.

— Разумеется, Джон, — и, взглянув на мистера Кендрю, открывшего дверь, прибавила, через силу улыбувшись: — Не забудьте о лютых врагах. Им все нипочем, могут явиться даже в столь поздний час.

Джентльмены остались вдвоем за бокалом вина. Внешностью и характером они разительно отличались один от другого. Мистер Ванборо был высок и темноволос; блестящий красавец с энергичным выражением лица — таким его видел свет, но только проницательному взору открывалась под внешним лоском врожденная порочность.

Мистер Кендрю, напротив, был коренаст, неловок и медлителен, если ничто не побуждало к действию. Глядя на Кендрю, свет замечал только невзрачного коротышку; пронизательный же взор различал под бесцветной внешностью натуру добрую и благородную, ставящую понятия чести и справедливости превыше всего.

Первым заговорил мистер Ванборо.

— Если вы когда-нибудь решитесь жениться, Кендрю, — сказал он, — не будьте так опрометчивы, как я. Не женитесь на актрисе.

— Если бы я встретил женщину, похожую на вашу жену, — возразил гость, — будь она актриса, я бы завтра на ней женился. Красавица, умница, самых высоких правил и любит вас искренне. О, человек! Чего еще тебе надобно!

— Очень многое. Мне нужна жена знатного происхождения и со связями, которая могла бы принять избранное общество и дать мужу положение в свете.

— Положение в свете! — воскликнул мистер Кендрю. — Вот человек, коему отец оставил полмиллиона при условии, что он встанет во главе одного из самых крупных торговых домов в Англии. А он мечтает о положении в свете, словно младший клерк в его конторе. Чего ему не хватает? Куда устремлены его честолюбивые помыслы?

Мистер Ванборо осушил бокал и твердо поглядел в глаза друга.

— Парламент — вот куда устремлены мои честолюбивые помыслы, — отчеканил он. — А моя вожденная цель — палата лордов. И единственное препятствие у меня на пути — красивая и добродетельная жена.

Мистер Кендрю предостерегающе поднял руку.

— Вы, верно, шутите, — проговорил он. — Я таких шуток не понимаю и не приемлю. Ежели вы говорите всерьез, то я вынужден заподозрить такое, о чем боюсь и помыслить. Так что давайте переменим разговор.

— Нет, не переменим! Я хочу наконец поставить точки над *i*. Так что же вы заподозрили?

— То, что вы разлюбили вашу жену.

— Ей сорок два, мне тридцать пять, я женат на ней уже тринадцать лет. Вам это хорошо известно. И вы всего-навсего заподозрили! О, святая простота! Вы, кажется, что-то еще хотите сказать?

— Раз уж вы настаиваете на продолжении разговора, то извольте, на правах старого друга я выскажусь. Вы дурно относитесь к вашей жене. Вот уже два года, как вы продали дело во Франции и вернулись сюда на похороны отца. Но, кроме меня и еще двух-трех старых друзей, вы никому не представили своей жены. Ваше новое положение открыло вам двери лучших домов Лондона. Вы всюду бываете, но никуда не берете с собой жену. Вы выезжаете в свет как холостой человек. И у меня есть основания подозревать, что ваши новые знакомые вас таковым и почитают. Простите мне мою прямоту, я говорю то, что думаю. Недостойно джентльмена держать взаперти жену, точно вы стыдитесь ее.

— А я и правда ее стыжусь.

— Опомнитесь, Ванборо!

— Одну минуту! Я вас слушал, послушайте теперь вы меня. Давайте заглянем в прошлое. Тринадцать лет назад я влюбился в красавицу-актрису и женился на ней, чем прогневил моего отца. И нам пришлось поселиться за границей, где ничто не омрачало нашу жизнь. Перед смертью отец простил ме-